

Э.Зинявичюс, П.Гаучас (Вильнюс)

ВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА В ПРОШЛОМ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ

Проблема установления восточной границы литовского языка в прошлом является весьма сложной. В древности, еще до образования древнерусского государства, языковая дифференциация восточных балтов была слабовыраженной. Проживавшие к востоку от литовцев балтские племена в языковом отношении мало отличались от литовцев, и на основе балтской гидронимии разделявшая эти этносы граница не прослеживается. Неизвестно и точное время появления в данном районе восточных славян. В литовском языке мы не обнаруживаем восточнославянских заимствований, которые можно было бы с уверенностью отнести к эпохе до IX в. На наш взгляд, литовцы стали впервые непосредственно соприкасаться с восточными славянами приблизительно в VIII-IX вв. Но у нас нет достоверных данных, позволяющих установить литовско-восточнославянскую языковую границу не только в ту эпоху, но даже и во второй половине XII в., т.е. во время образования Литовского государства. Следует полагать, что данная граница в ту пору не могла быть ни строгой, ни устойчивой ввиду экспансионистской политики древней Руси, а позже — Литовского государства. Синтез имеющихся исторических (археологических, этнографических) и лингвистических данных наводит на мысль, что установившаяся к XIV в. восточная граница распространения литовского языка стабилизировалась и оставалась неизменной или менялась незначительно вплоть до Люблинской унии (1569 г.) или даже несколько позже. Очертить эту границу во многом помогают данные топонимики, в первую очередь ойконимы литовского происхождения, особенно те, возникновение которых в какой-то мере поддается хронологизации: известно, например, что образованные от литовских личных имен ойконимы, начало которым да-

ла католическая церковная номенклатура, не могли возникнуть раньше крещения Литвы в 1387 г.

На основе анализа соответствующего топонимического материала предлагаются следующие восточная и южная границы распространения литовских топонимов: от р. Даугавы (Зап. Двина) западнее Друи и Слободки на Браслав, затем на северо-восток, где литовская топонимика вклинивается вглубь белорусской в окрестностях Иказии и Йод. Южнее Йод эта граница направляется на запад, проходя южнее Далеких, севернее и западнее Богинского оз., затем следует по нижнему течению р. Дрисвяты и р. Миделка, западнее Постава, через Нарочь, восточнее Свири, а затем по оз. Свирь, через Вишнево, восточнее Войстома и Жодзешек, западнее Сморгони и восточнее Крева. От Крева топонимическая граница поворачивает на запад и в окрестностях Гольшан, Вишнева и Траб наталкивается на вклинивание славянской топонимики в глубь литовского ареала. От Вишнева эта граница следует на восток и проходит к северу и на запад от Воложина, далее на юг по р. Березине до ее впадения в р. Неман, затем на запад по этой реке до деревни Морино, севернее его до места впадения р. Жижма в р. Гауя, далее вверх по р. Жижма до деревни Тимбуты. Отсюда топонимическая линия поворачивает на юг, где образуется "полуостров" литовских топонимов, который тянется через Лиду до р. Дитва. Севернее Лиды эта линия поворачивает на северо-запад до р. Дитва, затем по этой реке на юг до деревни Подитва, оттуда — на юго-запад, где в окрестностях Васишишек и Бакишт образуется еще один "полуостров" литовских топонимов; южнее его — в окрестностях Щучина, Желудка и Рожанки имеется крупный их массив. От деревни Дубичай линия идет по границе ЛитССР с БССР на Бершты и Озеры, затем — к востоку и на север от Гродна, южнее Сопецкина к деревне Марковцы. Южнее Гродна литовские топонимы встречаются по р. Лососьна. Кроме того, на территории БССР имеются многочисленные изолированные от основного ареала островки литовских топонимов и единичные поселения с

литовскими названиями: в окрестностях Волковыска, Дятлова, Ляхович, Докшиц, Радюшкович, Ивенеца, между Ружанами и Косово, а в восточной Белоруссии — около Обольц.

Установленная нами топонимическая граница соответствует, на наш взгляд, восточной границе распространения литовского языка в XIV — XVI вв., что подтверждается и материалами ряда других источников.

К. Карулис (Рига)

ЛЕКСИКА И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АРЕАЛЫ

При очерчивании и уточнения границ исторических этнолингвистических ареалов большую роль играет лексика, особенно топонимика. Для изучения прошлого балтов в сравнительном плане недостаточно используется лексика, с помощью которой обозначаются рельеф земной поверхности, а также названия лесов и болот, растений и животных. Некоторые исследования показывают, что отдельные обозначения типичных природных явлений, которые характерны для латышского языка (или для его говоров), не встречаются в литовском и прусском языках, но ими пользуются в широком ареале вне нынешних границ распространения балтийских языков. Например, обл. *siklis* (*sikle*), *siklis* (*stiklis*), *suðklis* (*suðkla*, *suokle*, *suðkls*) 'маленькое болото и пр.', которые зафиксированы в Восточной Видземе (ME III 837, 852, II 36, EN II 485, 491, 610), не известны в литовском языке, но встречаются во многих русских, белорусских и польских говорах (Ю. Лаучюте).

Интересные результаты может дать сравнение распространения топонимов и соответствующих апеллятивов. Латыш. *mežs* 'лес' в наше время является всеобщим названием леса, и это слово общенародное. Но распространение топонимов с *mež-* не равномерное: судя по изданию "Latvijas PSR vietvārdi", в вос-

точной части Латвии топонимов с *mež-* совсем мало, они сосредоточены главным образом в Земгале, в некоторых местах Курземе и на узкой полосе Западной Видземе. Кажется, *mežs* был характерным словом древних земгалов, но постепенно стал общенародным (вытеснив при этом, например, куршское слово *dziņa*). В литовских говорах слова того же корня сконцентрированы в двух районах: на крайнем северо-западе *mėdė* и на юго-востоке *mėdžias* (*Lietuvių kalbos atlasas*, I, *žemėlapis*, № 113). Означает ли это, что древние земгалы или родственное им племя обитали в Литве до прибытия древних литовцев и были оттеснены ими до крайнего северо-запада и юга? На северо-западе в ту пору земгалами была занята бывшая куршская территория; лит. *girià* (*gīrė*) 'лес', которое соответствует куршскому *dziņa*, ныне встречается только южнее Кретины.

Латыш. *asva > *asa* 'кобыла' (: лит. *ašva*) исчезло из языка, но в литературе XVII в. слово еще встречается как диалектизм (*osa* у Эльгера). В топонимике оно распространено исключительно в Латгалии и соответствует топонимам Литвы и Белоруссии.

В лексике древнего говора наревского бассейна (ятвяжско-го?) есть ряд слов, общих с латышским языком, но не бытующих в литовском.

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы: 1) существовала заметная разница в лексике народностей древней Латвии; 2) языковые контакты земгалов с латгалами до прибытия последних в Латвию были слабы; 3) лексические изоглоссы соединили территорию бытования латышского языка в его нынешнем виде с областью южнее Литвы, но языковые контакты были прерваны прибытием древних литовцев на территорию современной Литвы.